
А. М. БУРОВСКИЙ

БЫТОВОЙ ФОН НАСИЛИЯ

Литературные размышления историка

Автор оценивает политический и бытовой фон насилия в прошлом, опираясь на свидетельства художественной и мемуарной литературы. В традиционных культурах человек с раннего детства постоянно наблюдал факты физического насилия в семье, на улице, в школе; насилие оставалось нормой социальных и политических отношений.

Повседневная практика войны

До Первой мировой войны смешно было и говорить о моральной неприемлемости войны. Война была повседневным, совершенно обыденным событием. За 300 лет правления Романовых Московия, а потом Российская империя постоянно вели войны: часто по две и даже три войны одновременно. Суммарная продолжительность всех войн (в общей сложности 367 лет) превышает продолжительность правления Романовых. А за тысячу лет со времен Рюрика мирными были то ли 267, то ли 289 лет.

У разных авторов получаются разные цифры, но не в них суть. Главное – страна воевала постоянно и очень часто вела две и более войн одновременно. В качестве яркого примера: М. И. Кутузов приехал в армию, действующую против Наполеона, с театра русско-турецкой войны 1811–1813 годов.

Людей порой пытаются убедить в том, что Россия тут составляет некое исключение, что ее история представляет собой отклонение от нормы. Серьезный историк вряд ли согласится с таким утверждением. Во всем мире и во всех обществах война – совершенно обычный способ ведения политики с древнейших времен и до самого последнего времени, от нападения первобытного племени на соседей для похищения охотничьей добычи и пожирания самих соседей и до классического вопроса Вильгельма II, заданного Николаю II в 1898 году: «Против кого будет направлен наш союз?». Оба императора и предположить не могли, что возможен политический союз, ни против кого не направленный.

Историческая психология и социология истории 1/2008 33–49

На множестве примеров можно показать, что с ходом исторического времени войны становятся все менее кровопролитными, а отношение к противнику все более гуманным и регулируется все большим числом ограничений. Здесь прослеживается тенденция ослабления насилия, попытки ввести его в некие рамки. От истребления врагов, включая младенца в люльке, и поедания убитых врагов до традиций «рыцарской войны».

Но и в XIX веке, блаженном ностальгическом веке взлета культуры и всеобщего благолепия, были не только рыцарские войны европейцев с европейцами, но и колониальные войны. Не только награждение Наполеоном и Кутузовым самых храбрых солдат вражеской армии, но и штурм Серингапатама, после которого население города было вырезано практически поголовно.

Был и штурм Анапы русскими войсками, о котором известный писатель А. Бестужев-Марлинский писал брату: «Завладев высотами, мы кинулись в город, ворвались туда через засеки, прошли его насквозь, преследуя бегущих... Но вся добыча, которую я себе позволил, состояла из винограда и турецком молитвеннике: хозяин заплатил за это жизнью» (Осповат 1988: 356). Для нравов же общества характерно, что даже это признание в грязном убийстве не вызвало разочарования в романтическом кумире.

Вообще отношение к акту убийства было совершенно иным еще сравнительно недавно. 2 сентября 1898 года под Обдурманом впервые были применены пулеметы. Британцы спровоцировали атаку суданцев, приверженцев «пророка» Махди; несколько десятков пулеметов били в людей, вооруженных кремневыми ружьями, мечами и копьями, бегущих в рост на врага. За несколько часов было уничтожено около 30 тысяч человек при полном отсутствии потерь со стороны британцев. Это действие нового оружия произвело колоссальное впечатление на современников, сравнимое с впечатлением от действия атомной бомбы.

«Если бы здесь на полу лежал перед вами только один мертвец, с большой дырой в черепе и вдавленной грудной клеткой, вам было бы жутко смотреть на него. В Судане я видел десятки тысяч таких трупов, лежавших на спине, и это не произвело на меня никакого особенного впечатления», – так рассуждает герой Конан-Дойла, многоопытный солдат и путешественник лорд Джон (Конан-Дойл 1956: 271).

Но применение атомной бомбы в 1945 году вызвало тоску и страх. Применение пулемета в 1898 году – приступ восторга. Трудно передать энтузиазм всего британского общества по поводу при-

менения этого нового оружия. Газеты буквально воспевали пулемет и тех, кто умеет с ним обращаться.

В 1899 году пулеметчики возвращались в Британию. На площади перед вокзалом Чаринг-Кросс толпа английских женщин вытащила пулеметчиков из вагона поезда; их качали на руках, целовали, восторженно называли «героями» и «гордостью нации». С этим они и уехали по домам. Действия британок явно выходят за пределы радости женщин, чьи мужья возвращаются с войны. Очевиден восторг именно по поводу способности совершать массовые убийства.

Примерно в то же время, в 1902 году, американское общество так же ликовало после бойни, устроенной генералом Фанстоном на Филиппинах. Пресса смаковала отвратительные детали массовых убийств из скорострельных винтовок, участников истребления повышали в чинах и славил в средствах массовой информации. Примеры этих славословий приводит Марк Твен в одной из своих статей (Твен 1961а: 516–531). Характерно, что в американское собрание сочинений это произведение («В защиту генерала Фармера») не попало.

Такое поведение невозможно понять, исходя из современных критериев не только политической, но и психической нормы. Очевидно, что люди той эпохи и думали, и чувствовали не так, как наши современники. Кстати, это сама по себе прекрасная иллюстрация глубокой лживости классической пессимистической установки на то, что «человек ни в чем не изменился» и «история ничему не учит».

Чем в большей степени для нас неприятны и даже непонятны приступы восторга прессы, чем менее симпатично поведение британских дам в 1899 году, тем очевиднее: человек очень изменился за последние сто лет, и история очень многому научила. Известно даже, как проходили этапы этого учения.

Конец идеи приемлемости войн

Первая мировая война породила не только поколение «рассерженных молодых людей». «Половина моих соучеников школьных и университетских лет не вернулись с полей этой войны», – писал А. Тойнби (Тойнби 1995: 343). Цена победы для союзников оказалась такой чудовищной, что в огне Первой мировой напроочь сгорела идея благодетельной войны, способа приобрести больше, чем потерять. Эти изменения в общественной психологии хорошо объ-

ясняют, почему британские и французские политики в 1930-е годы «умиротворяли агрессора» вместо того, чтобы противопоставить Гитлеру жесткое ответное давление, встречное поигрывание мускулами.

Ровно через сорок лет после Обдурмана, в 1938 году, премьер-министр Британии Н. Чемберлен спускается по трапу самолета, размахивая текстом Мюнхенского соглашения. «Англичане! – кричал премьер-министр. – Я привез вам мир!» На самом деле он, скорее, привез войну, но сейчас важно другое – политике «невмешательства» поддерживает большая часть британского общества.

А большая часть немецкого общества поддерживает агрессивную политику нацистов – ведь в Германии сохранилась идея войны как события разумного политически, выгодного экономически, приемлемого морально. Противоположные настроения стали определяющими в Германии только после Второй мировой войны.

В России они до сих пор не стали определяющей формой общественного сознания. Тем более война не перестала быть морально приемлемой для большинства населения в странах Востока, за исключением, может быть, Японии. Современный мир очень часто становится ареной подписания разного рода «мюнхенских сговоров» между самоуверенными агрессорами и сдержанными цивилизованными людьми, которые глубоко сомневаются в осмысленности ведения даже самых успешных военных действий.

Но что еще интереснее – идея неприемлемости войны повлекла за собой иное отношение к насилию в целом.

Бытовой фон насилия

В 1899 году пулеметчиков несли на руках дамы, жившие в обстановке повседневного политического, военного, бытового, экономического и любого иного насилия. Благополучная англичанка образца 1899 года – это женщина, которую редко секли в детстве и которую любит муж. Неблагополучная – это постоянно поротая в детстве и регулярно избиваемая мужем. Критерий благополучия и неблагополучия тут скорее количественный, чем качественный. А с точки зрения нравов современного общества, даже самые благополучные британские дамы XIX века и социально, и психологически находятся за гранью всего, что мы называем и считаем «нормой».

Это же относится, естественно, и к самим пулеметчикам, их офицерам и вообще всему мужскому населению Британии. Свои детские впечатления от пребывания в пансионе Р. Киплинг оформил в виде рассказа «Ме-е, паршивая овца» (Киплинг 1991а). Рассказ этот просто жутко читать. По словам А. Конан-Дойла, в начальной школе он «в возрасте от семи до девяти лет страдал под властью рябого одноглазого мерзавца», который «калечил наши юные жизни» (Урнов 1991: 10).

Учебное заведение иезуитов описано в книге Дж. Джойса – явно на автобиографическом материале (Джойс 1963). В этом заведении у розги была специальная кличка «Толлей». Впрочем, и в бурсе розги называли иносказательно – «майские» (Помяловский 1962).

Это – о фоне насилия в семье и в школе, на самой заре жизни, в уютном розовом детстве. Интересно проследить, как менялся этот фон еще до Первой мировой войны. Киплинг, заставляя путешествовать детей начала XX века по разным периодам британской истории, сталкивает девочку, родившуюся в 1890-е годы, и умирающую от чахотки девицу, жившую в первой половине XIX века. Непоротая девочка конца XIX века порой с трудом понимает девицу, годящуюся ей в бабушки или в прабабушки, – для той фразы типа «грустный, как двенадцатилетняя девчонка, которую ведут пороть» вполне обычны (Киплинг 1992).

А ведь кроме насилия в семье и в учебном заведении есть многообразные формы повседневного насилия, которые трудно классифицировать и учесть. В том числе фон насилия самих подростков по отношению к сверстникам. Драки «стенка на стенку», выяснение отношений путем мордобоя, самые жесткие демонстрации физической силы, презрения к боли, отваги и лихости – обычнейшее дело для подростков и молодежи в обществах прошлого. В Британии бокс был не только зрелищем, собиравшим громадные аудитории, но повседневным и увлекательным занятием значительной части мужского населения, своего рода философией жизни (как в наши дни – «восточные единоборства», но у гораздо меньшей аудитории). Об этом – тоже немало страниц у Конан-Дойла (Конан-Дойл 1966а).

Не стоит считать эти забавы совершенно безобидными, чисто спортивными мероприятиями. По крайней мере, современники описывали залитых кровью, покрытых синяками противников, когда побежденный падает навзничь, «обратив к небу обезображенное лицо» (Конан-Дойл 1966б: 405).

То же самое и в России, если не страшнее. «Кулачные бои помню, – писал на закате жизни Василий Суриков. – На Енисее зимой устраивали. И мы, мальчишки, дрались. Уездное и духовное училища были в городе, так между ними антагонизм был постоянный. Мы всегда себе Фермопильское ущелье представляли: спартанцев и персов. Я Леонидом Спартанским всегда был» (Машковцев 1994: 8).

Все замечательно и героично. Только вот были два случая, когда товарищи Сурикова погибали в драке: такие уж это драки были. И такой же эпический, спокойный взгляд художника: «Вижу, лежит он на земле голый. Красивое, мускулистое у него тело было. И рана на голове. Помню, подумал тогда: вот если Дмитрия Царевича писать буду – его так напишу».

А после смерти другого товарища по училищу, Петра Чернова, Вася Суриков ходил в морг и там внимательно рассматривал труп: учился рисовать человеческое тело. Вряд ли он был более черствым и жестоким человеком, чем другие жители Красноярска, но, как видите, отношение к смерти подростка, товарища по училищу, у него достаточно спокойное. Одно только хорошо – убили не того, кто в будущем стал великим художником.

О том, что представлял из себя профессиональный бокс у англосаксов в XIX веке, писали многие; сцены гибели боксеров, получения ими самых жестоких травм, совершенно зверских избиений приведены не только у Киплинга и Конан-Дойля, но и у многих классиков, например у Джека Лондона (Лондон 1976).

Пулеметчики, косившие махдистов под Обдурманом, не могли видеть публичные казни – в 1865 году они были отменены... в Британии. В Российской империи «стольпинский галстук» применялся еще и в 1905–1907 годах. Маловероятно, что они могли приходить в лондонскую тюрьму Бридевель, в которой порка заключенных обставлялась как увлекательное зрелище. Места в зале для наказаний заранее покупались и продавались, палачей знали по именам, и высшим шиком было пригласить даму в Бридевиль на пятничную порку и выказать себя завсегдаем.

Но еще родители и тем более деды «героев» Обдурмана могли приглашать своих дам в тот же Бридевиль, как в театр, и видеть трупы повешенных на перекрестке четырех дорог (их не снимали, пока труп совершенно не разлагался и не начинал падать по частям сам собой).

В Российской империи известные строки: «Здесь били женщину кнутом, / Крестьянку молодую» – А. Некрасов написал в 1856 году. Примерно в те же годы в Красноярске учеников из Уездного училища чуть ли не специально водили на публичные казни. Считалось, что это зрелище воспитывает детей, отбивает охоту к совершению скверных поступков.

В. И. Суриков писал по этому поводу: «А нравы жестокие были. Казни и телесные наказания на площадях публично происходили. Эшафот недалеко от училища был... Вот теперь скажут – воспитание! А ведь это укрепляло. И принималось только то, что хорошо. Меня всегда красота в этом поражала – сила. Черный эшафот, красная рубаха – красота! И преступники так относились: сделал – значит, расплачиваться надо... Смертную казнь я два раза видел. Раз трех мужиков за поджог казнили. Один высокий парень был, вроде Шаляпина, другой старик. Их на телегах в белых рубахах привезли. Женщины лезут, плачут, – родственницы их. Я близко стоял. Дали залп. На рубахах красные пятна появились. Два упали. А парень стоит. Потом и он упал. А потом вдруг вижу, поднимается. Еще дали залп. И опять поднимается. Такой ужас, я вам скажу. Потом один офицер подошел, приставил револьвер, убил его... Жестокая казнь в Сибири была. Совсем XVII век» (Машковцев 1994: 8).

Современного читателя немало поразит и сцена из раннего романа Киплинга, в которой дети совершенно свободно покупают револьвер и почему зря палят из него непосредственно в черте города: тренируются (Киплинг 1991б). Вопрос – к чему же готовятся одиннадцатилетние девочка и мальчик, герои Киплинга? Какова цель этого рода тренировки? Но именно во время этой тренировки главный герой получает травму, которая в дальнейшем будет стоить ему зрения. У А. П. Чехова есть сцена, в которой пятнадцатилетний мальчик стреляется. У него нет проблем с тем, чтобы достать оружие: продается на каждом углу.

Дети, которые выросли в пулеметчиков армии лорда Китченера, не только много раз подвергались насилию, но и сами практиковали насилие. Они наблюдали убийства по суду, смерть на эшафоте и телесные наказания взрослых людей – причем вовсе не тайком. Нет, такого рода зрелища считались важной частью воспитания и заботливо организовывались старшими. Кроме того, дети имели доступ к оружию и имели возможность попрактиковаться в его применении. Фактически их прямо готовили к участию в насилии, в том числе и в самых жестоких формах – в убийствах себе подобных.

Насилие в культуре

«Общее число убийств в мире на протяжении столетия ($\Delta t = 100$ лет) условно определяется как сумма трех слагаемых – жертв войн (*war victims – wv*), политических репрессий (*repression victims – rv*) и бытового насилия (*everyday victims – ev*)», – пишет А. П. Назаретян (Назаретян 2008: 20). Даже для убийств эти «слагаемые» представляются недостаточными. Например, как насчет экономических убийств? Прежде часто вообще не считали убийством, даже формой насилия лишение людей средств к существованию. По крайней мере, если голодная гибель людей не была прямым следствием войны и грабежа.

Скажем, римские чиновники разворовали продовольствие, предназначенное для новых союзников – племени готов. Готы голодали так жестоко, что многие умерли, а другие продавали своих детей в рабство за еду. В результате готы подняли восстание и в 378 году нанесли поражение римским войскам. Сколько именно умерло готов, мы уже никогда не узнаем – разве что будет изобретена «машина времени». Но характерно, что современники, даже осуждая действия римских чиновников как проявление эгоизма, коррупции, нечестности и так далее, вовсе не считали их действия убийством. Сколько римлян погибло от голода и болезней после штурма Рима вестготами во главе с королем Аларихом в 410 году, мы тоже никогда не узнаем.

Впрочем, вот свидетельства более близких к нам времен: в 1848 году в Ирландии умер от голода миллион человек. Столько же выехало в Америку, и сегодня в США живет больше ирландцев, чем в самой Ирландии. Хлеба не было? Он был, вопрос – для кого. Аренда прекраснейшим образом собиралась и в этом году, под крики умирающих людей. Современники не считали позицию помещиков и политику властей насилием, а тем более убийством. Никто не скрывал этих событий, о них открыто писали газеты.

В Индии конца XIX века тоже умирало от голода порядка миллиона человек каждый год – с 1860-х до Первой мировой войны. Порядка пятидесяти миллионов очень тощих трупов мужчин, женщин и детей. Кое-что на эту тему есть и у Киплинга: например, рассказ о маленьком Тобра, который убил свою сестру, потому что «уж лучше умереть, чем голодать» (Киплинг 1991в: 194). За недостатком улик маленького Тобру «оправдали и отпустили на все четыре стороны. Это было не так уж милосердно, как может показаться, потому что ему некуда было идти, нечего есть и нечем прикрыть свое тело» (Там же: 191).

В Индии не было риса? Был, в Англию вывозился и в Китай. В Шотландии на индусском рисе выкармливали бычков абердинской породы. Говорят, замечательная получалась говядина, очень нежная.

Солдаты Китченера, родившиеся между 1870 и 1880 годами, вполне могли иметь пап и мам – свидетелей голода 1848 году. Они сами могли видеть, как умирают индусы, как трупы вывозят за город, чтобы закопать в общей яме, и так далее. Сердобольные британки вполне могли подать кусок хлеба очередному «маленькому Тобре» за считанные недели или месяцы до сцены на вокзале Чаринг-Кросс.

Впрочем, и в самой Британии 1902 года Джек Лондон наблюдал немало сцен голодной смерти людей: так сказать, из племени строителей империи. Приводить его свидетельства можно долго, и я отсылаю читателя непосредственно к его книге «Люди бездны» (Лондон 1954).

Помимо этих крайних степеней экономического насилия, прямо влекущих за собой смерть людей, можно выделить и насилие государственное: крайне жестокие наказания даже за самые незначительные правонарушения. Австралия, как известно, была первоначально заселена каторжниками. Удивительным образом эти «преступные элементы» быстро и без особых внутренних противоречий создали процветающую колонию, экономически состоятельную и безопасную в той же степени, что и «старая добрая Англия». В XIX веке это нравственное преобразование преступников объяснялось самыми фантастическими причинами, в том числе и особым составом воды и воздуха Австралии, которые способствовали «исправлению». В духе Жюль Верна, по словам которого климат Австралии «способствует нравственности», и «злоумышленники, переселенные в эту живительную, оздоравливающую атмосферу, через несколько лет духовно перерождаются... В Австралии все люди делаются лучше» (Верн 1955: 313–314).

Но, похоже, есть гораздо более простое и вполне материалистическое объяснение мгновенного «исправления» закоренелых негодяев, сосланных в Австралию: большинство из них вообще никогда не были преступниками. В конце XVIII века 233 статьи законов Британии грозили смертной казнью. Так, наряду с убийством, государственной изменой и похищением наследника престола карались карманное воровство, приставание женщины к мужчинам на улице, выкапывание деревьев в чужом саду, разрушение прудов для рыбы, «преступление законов нравственности», незаконное

возвращение из ссылки, утаивание смерти незаконнорожденного ребенка, святотатство и многое другое.

В конце XIX века нравы уже другие, смертная казнь полагалась «всего» по 188 статьям кодекса законов. Но и в 1900 году британец мог получить 20 лет каторги за «незаконный лов рыбы в чужом пруду» или три года за «нарушение святости чужого брака». Причем женщин по этой последней статье еще и наказывали плетьюми, а после порки передавали священнику для ведения с ними воспитательных бесед.

Во флот уже не вербовали, подпаивая и похищая деревенских парней, порка девятихвостой плетью перестала быть единственным способом поддержания дисциплины. В 1789 году капитан Блай, герой В. Даниэльсона, считался очень гуманным флотским офицером: за год плавания он «лишь одиннадцать раз назначил телесное наказание, причем общее число ударов составило всего двести двадцать девять» (Даниэльсон 1966: 207–208). Всклипнув от умиления по поводу гуманности доброго Блая, напомним – пороли взрослых, сильных мужчин, выносивших тяготы кругосветного плавания в очень суровых условиях. Но и в 1902 году моряк, прослуживший более 40 лет и удостоенный трех нашивок за храбрость и ордена Виктории, был приговорен к увольнению со службы без пенсии, лишению всех наград, 50 плетям и двухлетнему заключению в тюрьме (Лондон 1954: 446).

Таково государство, посылающее армию лорда Китченера против суданцев. Но ведь и само общество было не лучше. 1899 год – не 1792, общество успело стать несравненно более гуманным. Уже маловероятна сцена, когда преступника снимают с виселицы еще живым, чтобы разорвать на части лошадьми, а толпа сметает ограду, расхватывает эти еще теплые куски тела и рвет их на еще более мелкие – на сувениры. А кабатчик гордится тем, что «раздобыл» голову казненного, чтобы выставить ее в своем кабаке для привлечения публики.

Но и в конце XIX века люди едят и пьют в кабаках возле тюрьмы. В тот момент, когда над тюрьмой поднимают черный флаг – знак, что кого-то повесили, «добрый народ старой доброй Англии» разражается восторженными воплями, поднимает бокалы с пивом, поет национальный гимн «Боже, храни короля» и вообще чрезвычайно веселится.

Общество Британии тех лет разделено практически непреодолимыми сословными перегородками и поразительно черство и жестоко к своим членам – особенно к рядовым. Достаточно взять в ру-

ки томик Дж. Голсуорси, чтобы почувствовать, до какой степени простолюдины согнуты в покорности «джентльменам». Избиение жен и детей в нем – бытовая норма, а любимое развлечение джентльменов – травля собаками лисиц или выдр. При этом убивать животное считается «неспортивным» – надо, чтобы собаки его затравили и загрызли. Или вот еще очень спортивное развлечение – травля бульдогами привязанных к изгородям быков.

Люди, торжествующие по поводу эффективности пулемета, жили в таком интенсивном поле жестокости и насилия, которое современному европейцу, по прошествии всего ста лет, трудно себе даже вообразить. В этом поле на ребенка с самого раннего возраста обрушивается не прикрытое ничем, торжествующее насилие. А вокруг, в мире, в котором он живет, жестоки все: государство, общество, семья, сам экономический строй. Причем насилие и жестокость никто и не думает скрывать.

Насилие напоказ

В западной культуре XX века, после Первой мировой войны, насилие начали «прятать», – его не рекламировали и не демонстрировали. Последние примеры открытой демонстрации насилия, по крайней мере в европейской стране, дала, как ни печально, Россия: в 1920-е годы большевики открыто провозгласили «диктатуру пролетариата» и печатали в газетах списки казненных заложников.

Нацисты в 1939–1945 годах публично вешали людей – неграждан Третьего рейха и «неарийцев». А в СССР так же публично вешали до 1947 года.

Но даже геноцид армян в Турции 1914–1915 годов скрывался. Правительство младотурков очень не хотело, чтобы мировая общественность знала об этих убийствах. Не их «вина», что армянская диаспора во всем мире получила доказательство этих преступлений и широко обнародовала их.

Коммунисты изо всех сил пытались скрыть рукотворный голод 1929–1933 годов (это одна из причин, по которым число жертв этого преступления очень трудно подсчитать). Еще большей тайной окутаны расстрелы в Катыни. Общее число убитых и по сей день не известно.

Нацисты прилагали колоссальные усилия, чтобы скрыть масштаб совершенных ими массовых убийств. Именно по этой причине число истребленных в Бабьем Яру называют от 20 до 40 тысяч жертв – точные цифры неизвестны, статистика не велась. Скрыва-

ются и масштабы экономического насилия, особенно когда оно продиктовано политическими соображениями.

В культуре XIX века насилие не прятали. В газетах вполне возможны были описания типа следующего: «Мы штурмом взяли высоту и попрыгали в окопы. Буры поняли, что им не уйти. Они побросали ружья, упали на колени, подняли руки вверх и взмолились о пощаде. Тут-то мы им и показали пощаду – *длинной ложкой!*^{*}» (Твен 1961б: 183). То есть еще во время англо-бурской войны 1899–1902 годов никто не отрицал насилия и жестокости, совершенных СВОИМИ. Жестокость никто не пытался переложить на ЧУЖИХ, на «них» – как «их» отвратительное свойство.

Правда, в литературе XIX века и апологетики бытового насилия немного. Так, очень спокойное упоминание самого факта, как чего-то совершенно обыденного и нормального.

Человек, лежащий за пулеметом под Обдурманом в августе 1898 года, врывается в туркменские крепости в 1900 в составе русской армии, день-ночь, день-ночь, шел по Африке, все по той же Африке (Средней Азии, Китаю, Бирме... *нужное вставить*), – этот человек, родившийся между 1860 и 1880 годами, жил в поле не только реального насилия, жертвой которого неоднократно и сам становился. Но и в поле виртуального насилия, о котором постоянно говорила пресса, литература, после появления кино – и кинофильмы. Причем говорила не как о чем-то уродливом и неприятном, а как о повседневной норме.

Коэффициент кровопролитности и индекс приемлемости насилия

Для понимания эволюции нравственных задач А. П. Назаретян (2004) предлагает интересный индекс – *коэффициент кровопролитности*. Индекс очень важен для науки: он ясно показывает динамику насилия в мире, в разные эпохи и у разных народов. У сторонников точных наук он найдет полное понимание. Мне же как гуманитария хочется дополнить этот индекс сведениями другого рода: о приемлемости бытового насилия вообще.

Без такого дополнения нам, во-первых, останется непонятным, как именно и в какой психологической обстановке происходили убийства, которые учитывает индекс кровопролитности. Во-вторых, без учета бытового фона насилия, характерного для эпохи,

---

* Длинная ложка – жаргонное наименование винтовочного штыка.

потомкам остается непонятным многое в поведении предков. Даже сравнительно недавние предки, современники Голсуорси и Толстого, могут представляться нам чудовищами и нравственными уродами, постоянно совершавшими абсолютно недопустимые, страшные вещи. Мы рискуем оказаться в положении американца, для которого был написан роман «Янки из Коннектикута при дворе короля Артура» (Твен 1960), или зрителей сериала мультфильмов про Скруджа Макдака: везде полный бардак и безобразие, только героический Скрудж и в состоянии навести хоть какой-то порядок.

Я бы предложил ввести «индекс приемлемости» и для его вычисления положить в основу исследования некий качественный критерий: приемлемость одного и того же вида насилия в культуре. Разумеется, некий «фон бытового насилия» есть в абсолютно любом обществе, в том числе и в современном. Вопрос, каков именно этот «фон» и насилие какого уровня признается в обществе «нормальным»? И как относится общество к проявлениям разных видов насилия?

На первый взгляд такие сведения можно учитывать только чисто описательно. Но попытаемся ввести инструментальные критерии для сравнения разных эпох. И в наше время вполне могут убить мальчика лет 14. Но когда двух мальчиков убили во время уличного развлечения, драки «стенка на стенку», Суриков описывает убийство, которое фактически норматизировано, составляет обычный бытовой эпизод жизни города. Сам факт такого развлечения показателен. За 3 года обучения Сурикова в Уездном училище убили двоих. Как видно, смертные случаи происходили регулярно, хотя и редко.

Разумеется, никто не пошел под суд, никто и не считался виноватым – хотя, конечно же, был известен тот, кто нанес роковой удар. Ну, сильный дядя, вполне честно двинул по голове, что разрешается, свинчатки в перчатке не было, все нормально. А мальчик еще не совсем взрослый, не выдержал... Дело обычное, есть ли о чем говорить? Бывает.

Здесь разница в отношении общества. Нормальна ли для нас такая гибель? Категорически нет. Нормальна ли для нас драка как способ развлечения? Еще мой прадед любил смотреть на бои «стенка на стенку» и, если проезжал мимо, просил кучера остановить пролетку, с интересом смотрел. Я не считаю предка моральным уродом, но не мог бы не только участвовать в «развлечении», но и признать его приемлемым для вменяемого человека.

Пушкина убили в 37 лет. Лермонтова – в 27. Убийцы отделались легким испугом. Фактически – норматизированные, привычные убийства среди бела дня. Ведь дуэли были *обычным* способом выяснять отношения. Никто не крутил пальцем у виска, не звал психиатра. Все нормально – поссорились люди и схватились за шпаги или за пистолеты. Была полная готовность к тому, что часть мужской популяции будет убита или ранена на дуэлях.

Кто оценивал дуэли и смерти? Люди с каким бытовым опытом? Ладно, порки на конюшне, на Торговой площади в Петербурге, «сквозь строй» и так далее к дворянам отношения не имели. Но дворяне ведь все это видели. Уже с детства, гуляя с бонной и няней, с добродушным папенькой и милой заботливой маменькой по Питеру или в своем же имении. Летний день, все жужжит, порхает и веет, родители пьют чай под липами, беседуют о последних виршах Баратынского, а со стороны конюшни доносится крик. Как не побежать, не полюбопытствовать?

Насилие в среде самих крестьян тоже видели. Люди, повседневно жившие среди насилия, жестокости, убийств, истязаний, соответственно оценивали смерти забитых на плацу солдат, смерти развлекающихся подростков из мещан или дуэлянтов из своей среды.

Изменился не только масштаб смертности, но и приемлемость смертей для сознания человека. Скажем, вот недавнее (в декабре 2004 года) цунами в Юго-Восточной Азии, гибель 100 000 человеческих существ, включая маленьких детей. Ужасно! Но наше сознание мирится с этим, мы «внутри» не бунтуем, скорее, рассуждаем о пользе службы оповещения и надеемся, что хотя бы это несчастье поможет ее создать. А представьте, что была бы война и в ней погибло бы 100 000 человек! Насколько острее мы переживали бы это событие – именно как злое безумие!

Современный человек четко осознает, что войны – не стихийное бедствие, в котором никто не виноват. И мы считаем людей в силах воспротивиться этому безобразию. А в XIX веке даже писателю-гуманисту война обычно виделась чем-то вроде цунами или извержения вулкана.

Сравнивая людей разных стран и эпох по отношению к разным видам насилия, надо иметь в виду, что под одним и тем же словом мы рискуем понимать совершенно разные вещи. Под словом «порка» мы в XXI веке чаще всего понимаем действие, при котором папа, зажмурившись, несколько раз попадает по провинившемуся сыну кончиком ремня. После сего чудовищного насилия мама от-

паивает папу валидолом, а дитяtko несколько дней шантажирует родителей, демонстрируя свои страдания. А вот цитата из записок дамы, воспитывавшейся в английском приюте в конце XVIII столетия: «Так как одновременно пороли двух, то в комнате стоял страшный вой и крики, соединенные с разными мольбами и клятвами. За свое пятилетнее пребывание в приюте не помню, чтобы кого-нибудь высекли не до крови. После наказания обыкновенно весь наказанный был вымазан в крови и если не попадал в лазарет, то иногда несколько часов не мог ни стоять, ни сидеть. Я помню, что я не раз после наказания часа два могла только лежать на животе, в таком же положении приходилось спать дня два-три» (Бертрам 1992: 168–169).

В России 1830-х годов, при Николае Палкине, примерно так же секли даже в учебных заведениях для дворян. Один из Корфов после юнкерского училища до конца жизни заикался потому, что впечатлительный мальчик очень уж «ждал» понедельников, по которым происходили порки. Причем врач два раза говорил, в чем дело, и предупреждал – речь вообще может «отняться». К счастью, не отнялась, но пороть продолжали, что характерно.

О бурсе, где подростку запросто могли дать 100 или 150 розог, просто не хочется упоминать. Н. Г. Помяловский подсчитал, что за семь лет «учения» был сечен примерно 400 раз.

При этом наказания в школе были чем-то совершенно обычным, и большинство членов общества не возражали против них. Василий Суриков два раза сбегал из училища: знал, что за что-то будут пороть. Раз убежал к родственникам в Кекур, это в 70 км к северу от Красноярска. Мама догнала его на бричке; Вася спрятался во ржах. Мама позвала: мол, не бойся, поедem в Кекур! Поехали, пожили в Кекуре дня три. Потом вернулись, и Вася Суриков пошел в училище. Надо полагать, получил и за провинность, и за исчезновение.

Позиция мамы логична и вполне разумна: учат именно таким образом. Надо. Сына жаль, хочется дать ему отсрочку, но ничего не поделаешь. Васенька должен выучиться, чтобы занять в обществе совсем другое положение. Корни учения горьки, это плоды учения сладки.

В наши дни даже семейное насилие официально запрещено законом – по крайней мере, в Британии и в США. В этих странах ребенок, на которого подняли руку, имеет право позвонить по специальному телефону, и должностные лица, чиновники государства, обязаны принять самые решительные меры. А наивные или просто

невежественные люди все рассказывают сказки, будто прогресса нравственности не существует.

Смертная казнь есть и в наши дни, но не во всех странах, и число предусматривающих смертную казнь статей уголовного кодекса сократилось в десятки и сотни раз: со 100–200 статей в XVIII–XIX веках до 2–5 статей в конце XX – начале XXI века. К тому же смертная казнь перестала быть публичным действием. До середины XIX века во всех странах Европы народ сбегался смотреть на казни. В России последние публичные казни совершались в конце 1940-х годов: военно-полевые суды вешали «предателей» и «дезертиров». Народ ходил смотреть, но, по свидетельствам очевидцев, ходил вяло, шли не все, даже под угрозой, что их обвинят в нелояльном поведении, в неуважении к советскому государству.

Сегодня многие ли побегут? Тем более поведут ли педагоги учеников, многие ли поведут своего ребенка?..

ЛИТЕРАТУРА

Бертрам, Д. Г. 1992. *История розги*. Т. 2. М.: Просвет.

Даниэльсон, Б. 1966. *На «Баунти» в южные моря*. М.: Наука.

Джойс, Дж. 1963. *Портрет художника в юные годы*. М.: Худлитиздат.

Верн, Ж. 1995. Дети капитана Гранта. В: Верн, Ж., *Собрание сочинений*: в 12 т. Т. 3. М.: Госхудлитиздат.

Конан-Дойл, А.

1956. Отравленный пояс. В: Конан-Дойл, А., *Затерянный мир*. Киев: Молодь.

1966а. Родни Стоун. В: Конан-Дойл, А., *Собрание сочинений*: в 8 т. Т. 6. М.: Правда.

1966б. Хозяин Фолкенбриджа. В: Конан-Дойл, А., *Собрание сочинений*: в 8 т. Т. 6. М.: Правда.

Киплинг, Р.

1991а. Ме-е, паршивая овца. В: Киплинг, Р., *Отважные капитаны*. М.: Дет. лит-ра.

1991б. *Свет погас*. М.: Раритет.

1991в. Маленький Тобра. В: Киплинг, Р., *Отважные капитаны*. М.: Дет. лит-ра.

1992. *Подарки фей*. М.: Раритет.

Лондон, Д.

1954. Люди бездны. В: Лондон, Д., *Собрание сочинений*: в 8 т. Т. 2. М.: Худлитиздат.

1976. Кусок мяса. В: Лондон, Д., *Собрание сочинений*: в 13 т. Т. 8. М.: Правда.

Твен, М.

1960. Янки из Коннектикута при дворе короля Артура. В: Твен, М., *Собрание сочинений*: в 12 т. Т. 6. М.: Госхудлитиздат.

1961а. В защиту генерала Фармера. В: Твен, М., *Собрание сочинений* в 12 т. Т. 11. М.: Госхудлитиздат.

1961б. Человеку, Ходящему во Тьме. В: Твен, М., *Собрание сочинений* в 12 т. Т. 11. М.: Госхудлитиздат.

Машковцев, Н. Г. 1994. *Суриков В. И.* М.: Искусство.

Назаретян, А. П.

2004. *Цивилизационные кризисы в контексте универсальной истории. Синергетика – психология – прогнозирование.* М.: Мир.

2008. Насилие и ненасилие в исторической ретроспективе. *Историческая психология и социология истории* 1: 8–32.

Осват, А. Л. 1988. Несколько слов об Александре Бестужеве. В: Бестужев (Марлинский), А. А., *Ночь на корабле. Повести и рассказы.* М.: Худлит.

Помяловский, Н. Г. 1962. *Очерки бурсы.* М.: Детгиз.

Тойнби, А. 1995. Пережитое. В: Тойнби, А., *Цивилизация перед судом истории.* М. – СПб.: Прогресс.

Урнов, М. 1991. Артур Конан-Дойл. В: Конан-Дойл, А., *Собрание сочинений*: в 8 т. Т. 1. М.: Раритет.

От редакции. Завершая «Размышления», А. М. Буровский предложил ориентировочный опросник, позволяющий оценить индекс приемлемости насилия, характеризующий ту или иную культуру, ее состояние или фазу развития. Тест был профессионально доработан и апробирован в конкретном исследовании социологами Международного университета «Дубна» – доцентом А. А. Зенько и дипломницей Л. В. Благонадеждиной. Опросник с приложенным индексом предназначен для масштабных кросс-культурных исследований и допускает дальнейшую доработку и развитие.